

ТАЛАНТ И МАСТЕРСТВО

ТАЛАНТ драматического актера! Сколько спорного в этом общепринятом понятии! Сколько субъективно и таинственного. Да, да, именно таинственного. Как часто драматический артист, на котором дружно поставили крест знатоки сцены, неожиданно поражал театральный мир ослепительным даром. И как часто случалось наоборот.

Моя жизнь в театре только начинается, опыт мой весьма скромный, и тем не менее я был свидетелем множества неожиданных рождений талантов. Часто это были мои знакомые, иногда друзья.

Сейчас в Ленинграде есть две театральные «звезды»: Сергей Юрский и Алиса Фрейдлих. Одновременно с Сережей мы держали экзамены в Ленинградский театральный институт им. А. Н. Островского: я на режиссерский факультет, Сергей — на актерский. Я был принят, Юрский — нет. Кафедра сценической речи признала его профессионально непригодным. Сейчас Сергей Юрский — любимец ленинградцев, единственный исполнитель роли Чацкого в спектакле «Горе от ума», поставленном Г. А. Товстоноговым. Алиса Фрейдлих едва не была изгнана со второго курса института как неуспевающая по специальной дисциплине. Сейчас одного ее имени в афише достаточно, чтобы зал был переполнен.

И наоборот. Сколько я знаю трагических исчезновений «талантов». Молодые артисты, подававшие блестящие надежды, которыми гордились педагоги, завидовали

собратья по искусству, рвали друг у друга директоры театров, вдруг... угасали и исчезали с театрального горизонта. Фамилии в этом случае называть не стоит, это и невеликодушно, и ни к чему: все равно они забыты.

Чудесные превращения, не правда ли?

А не попробовать ли все же разобратся в капризах таланта?

Недавно в нашем театре им. Якуба Коласа состоялась премьера спектакля «Преступление и наказание» по роману Достоевского. В главной роли выступил молодой артист Фома Воронежский. Раскольников — его первая большая роль. Она досталась ему сразу же по окончании института.

Страшновато, наверное, братья за такую махину. Нет необходимости говорить о том, с каким рвением, граничащим с самоотверженностью, взялся Фома за работу. Была прочитана масса книг, перелистано множество исследований, не говоря уже о собрании сочинений великого писателя. Часто можно было видеть, как Фома сидит в каком-нибудь укромном уголке, ссутулившись над толстой книгой, и ищет, ищет, нащупывает подходы к образу. Мучительной и долгой была работа. И вот спектакль сыгран. Успех. Несомненный и радостный. Сложнейшая роль мирового репертуара оказалась по плечу Фоме Воронежскому.

Зритель увидел актера, обладающего многими счастливыми данными. Превосходная внешность, выразительное лицо, освещенное пылающими страстью глазами, какое-то удивительное, очень индивидуальное благородство осанки. Несомненный темперамент и обаяние. Красивый голос. Все это входит в понятие «талант» как необходимые компоненты.

Так отчего же и не сказать сразу же после премьеры: как талантлив этот артист? Так многие и сделали. И сделали из лучших чувств.

Правильно ли это? Я имею в виду не только воспитательные цели. Я ставлю вопрос так: истинно ли это? Можем ли мы по одной, пусть труднейшей роли, учитывая блестящие объективные данные артиста, заключить, что он — талант? Воронежский обладает чудовищной работоспособностью. А это, действительно, замечательное свойство.

Так какой же вывод? Талант или нет? Ах, как хочется сказать: да! И вдруг я вспоминаю Нину В. Мы с ней одновременно кончали институт. Она блестяще сыграла тогда роль царицы в «Легенде о любви» Н. Хикмета. Это была ее дипломная работа. Редкостные данные. Ее пригласили в один из лучших ленинградских театров. Дали большую роль. И что же? Прошло три года. Что с тобой, Нина? Почему ничего не слышно?

И я не договариваю заветное слово. Я не знаю. Да, я не знаю. Талант ли Фома Воронежский. Я хочу подождать. Я начинаю трезво анализировать и прихожу к выводу, что Фоме многого пока не хватает, чтобы получить заманчи-

вый титул. И это кое-что — мастерство.

Я замечаю, что Фома плохо владеет жестом, он у него беден и однообразен. Я замечаю, что Фома плохо владеет своим превосходным голосом. Я замечаю, что Фома несвободен на сцене, что он недостаточно владеет главным элементом творчества — мышечной свободой и т. д. и т. п.

Когда я смотрю на Воронежского в его следующей роли, сомнения вновь одолевают меня. Я вижу, что молодой артист плохо использует юмористические краски образа, не всегда умеет донести сложный подтекст, плохо общается с партнером.

Все это техника. Сложная техника актерского мастерства, о которой написано много прекрасных книг, образцы которой дают нам искусство лучших мастеров театра и которой пока не обладает Фома Воронежский.

Его данные, его несомненная одаренность остаются пока что «вещью в себе», несмотря на успех в роли Раскольникова. Я ни в коем случае не хочу сказать, что успех был случайным и незаслуженным. Ни в коем случае. Успех был закономерен, явился результатом вдохновенной и напряженной работы. Но это был успех молодого начинающего актера, а не молодого таланта. Пока нет мастерства, о таланте говорить преждевременно. Талант — это сложный комплекс природной одаренности и благоприобретенного мастерства.

И дело тут отнюдь не упирается в многолетний опыт. Сергей Юрский и Алиса Фрейдлих потому и заявили о себе так рано, что уже на первом этапе своей творческой жизни познали секреты мастерства и овладели ими. И, наоборот, сколько мы знаем убежденных седиными и даже обремененных почетными званиями артистов, несомненно одаренных от природы, которые так и не овладели сложной психотехникой своего творчества.

Горе артисту, если он из роли в роль эксплуатирует свою одаренность, не совершенствуя мастерство. Если одаренность богатая, ее хватит на несколько ролей, если же не очень — на одну роль, не более. Затем начнутся штампы.

Так что, не такое уж «неясное» дело — талант драматического артиста, если разобратся.

Лично я с глубокой симпатией отношусь к Фоме Воронежскому. Его одержимость в работе над ролью, его целеустремленность и трудолюбие внушают доверие и желание с ним работать. Но ес-

ли Фома не задумается над тем, что руки артиста — удивительный инструмент выразительности, что голос — неистощимый источник художественного воздействия, что общение — сложнейший психофизический процесс и т. д. и т. п., то... Впрочем, не стоит. Для грустных заключений нет никаких оснований. Пройдет год-другой, и, придя на спектакль, где Фома Воро-

нецкий будет играть очередную роль, мы с удовлетворением скажем: как хорош этот артист. Какое у него блестящее будущее! И без всяких опасений прибавим: талант, ничего не поделаешь.

Юрий СОБОЛЕВ,
режиссер театра им.
Я. Коласа.
